

ЭТО ИНТЕРЕСНО

ПИСЬМО ОТ ПОТОМКА АРАПЧОНКА НАХИЧЕВАНСКОГО ГОЛОВЫ ХАЛИБОВА

А.П. Халибов

Недавно вышла в свет книга «Как строилась Нахичевань», которую я написал вместе со своим отцом, заслуженным врачом России, известным ростовским хирургом и краеведом Миной Георгиевичем Багдыковым. В этой книге мы пишем не только о том, как строился армянский город на Дону, но и о том, какие замечательные люди жили в нем. В частности, отдельную главу мы посвятили легендарному нахичеванскому голове Халибову.

Напомню, что благодаря таланту легендарного нахичеванского головы Артемия (Арутюна) Павловича Халибяна (Халибова) город Нахичевань был одним из самых крупных и экономически развитых на юге России. Как пишет В.С. Сидоров в книге «Четверть тысячелетия»,

Халибян оставил после себя противоречивую память. С одной стороны, он во время Крымской войны безвозмездно передал Черноморскому российскому флоту 10 тысяч пудов антрацита. Именно при нем инициировался вопрос о расширении нахичеванской пристани. За свой счет Халибян основал в Феодосии школу для мальчиков. Он пожертвовал на школу 50 тысяч рублей. Артемий Павлович пожертвовал так же 20 тысяч рублей на духовную семинарию в Нахичевани. Списки его добрых дел можно продолжать и далее. Но с другой стороны, Халибян, выслуживаясь перед властями, боролся за введение для горожан подушной подати. Весь армянский мир в то время обсуждал перипетию темной истории с церковными деньгами, судьбу которых, оказалось, невозможно выяснить из-за неразберихи в делопроизводстве. Халибян был в непростых отношениях с известными армянскими писателями, общественными деятелями Г. Патканяном и М. Налбандяном.

И все же... При его руководстве Нахичеванью город расцвел. Но Халибов был еще и неординарным, я бы даже сказал, эпатажным человеком. Помню, когда в далекие уже 80-е годы я прогуливался по Нахичевани вместе с папой и известным краеведом Иваном Сергеевичем Чардаровым, то именно он впервые поведал мне о Халибове, рассказал о его жизни и заслугах перед городом. А потом Чардаров рассказал интересную историю о Халибове и его слуге-арапчонке. Халибов был своеобразным человеком. Так, будучи городским головой, он старался придать своей личности

особую значимость, хотел обратить на себя внимание горожан. Ему это удалось. У него на запятках кареты стоял арапчонок, который услужливо открывал дверь кареты.

Для Нахичевани это была сенсация. Большинство жителей города никогда не видели чернокожего человека. Нахичеванцы ходили смотреть на арапчонка как на чудо невиданное. Вскоре персонально для арапчонка на 26-й линии выше Степной улицы был построен дом. Арапчонок повзрослел, женился, говорят, на армянке, у него появились дети. В Нахичевани этот дом называли домом арапа. С приходом советской власти на месте, где располагался дом, построили госпиталь инвалидов Великой Отечественной войны. Но в народе еще долгое время это место называли домом арапа.

Прошли годы, я уже и забыл об этой истории с арапчонком Халибова. Но тут неожиданно с мне приходит письмо от потомка того самого арапчонка, известного исследователя истории и литературы донских армян, большого знатока диалекта нахичеванских армян, переводчика Авдея Георгиевича Газарбекяна. Он, в частности, пишет: «На странице 51 вы описали историю арапчонка. И тут я вспомнил рассказы взрослых: моего отца — Геворка Аветиковича Газарбекяна и моей родной тети — Екатерины Авдеевны Аксентовой (похоронена на армянском кладбище) о нашем пращуре АРАПЕ. Пересказываю с их слов. Какой-то армянский торговец (купец) оказался в Индии, и на пристани, какого города — не знаю, увидел мальчика. Кто его знает, чем он был движим, но, как бы то ни было, маль-

чик был похищен и привезен в Нахичевань. Из рассказов взрослых помню, что АРАП учился в Москве. Впоследствии он был будто бы отравлен. По словам моих родных, наш род начинается с этого АРАПА. У отца моего хранился портрет АРАПА. Он неоднократно показывал его мне, но к 1951 году портрет поблек, и рассмотреть на нем лик АРАПА не представлялось возможным. И тогда отец прибег к помощи пленного немца. В это время в Ростове на проспекте Семашко строилось здание партшколы, на строительстве которой работали пленные. Среди них был немец — профессиональный художник. Он согласился сделать копию со старого портрета... Портрет АРАПА висел у нас в большой комнате. Сейчас он находится у моих родственников. В отрывке про арапчонка вы упоминаете место, где для него был построен дом. Дом, в котором жила наша семья, находился в непосредственной близости к нынешнему госпиталю».

Вот уж точно говорят, что пути Господни неисповедимы. И кто знает, как слово наше отзовется? Разве могли мы с отцом предположить, когда писали книгу «Как строилась Нахичевань», что сможем найти потомка арапчонка Халибова? Конечно, нет. Но этот потомок нашел нас сам. Как я уже писал, Авдей Георгиевич Газарбекян является знатоком диалекта донских армян, переводит рассказы Патканяна, написанные на нахичеванском армянском диалекте на русский язык. Но это уже другая история. А вот история с арапчонком Халибова говорит о том, что ничто в нашей жизни не проходит бесследно.

Мало кто знает, что будущий председатель Временного правительства Александр Федорович Керенский защищал в суде лидера донских дашнаков Минаса Ивановича Берберова. Минас Берберов, как и будущий премьер-министр Армении Симон Врацян, в тот период времени являлся лидером армянской партии Дашнакцутюн у нас на Дону.

АЛЕКСАНДР КЕРЕНСКИЙ ЗАЩИЩАЛ В СУДЕ ЛИДЕРА ДОНСКИХ ДАШНАКОВ МИНАСА БЕРБЕРОВА

Есть интересный документ 1906 года. Это документ царской жандармерии. Он гласит: «Берберов Минас Иванович, почетный мировой судья, редактор газеты «Донская речь», производил денежные сборы на армянское революционное движение, в редакции, издававшейся под его редакторством газеты «Донская речь» были обнаружены наборы, прокламации и «Манифест». По сведениям, выбыл за границу».

Далее идет описание примет Берберова. Дело в том, что Минас Иванович Берберов действительно занимался сбором денег для армянской партии Дашнакцутюн. Есть интересная справка департамента полиции того времени: «М. Берберов, занимая должность почетного мирового судьи, состоит также членом и главным заведующим банкирского дома, принадлежащего его родственнику по жене купцу Чахирову. У отца Берберова имеется в Нахичевани дом и недалеко от города 3 тыс. десятин земли. В течение последних пяти лет Берберов сотрудничал в газете «Приазовский край» и состоял там акционером, потом перешел в «Донскую речь», где для него предоставили возможность ближе стать к газетному делу и больше работать. Он вносит в издание свои деньги и фактически уже сделался создателем газеты». Минас Иванович Берберов в период образования независимой Армянской республики в правительстве дашнаков был главным государственным контролером.

Но вернемся к интересному историческому эпизоду, связанному с защитой в суде дашнаков Керенским. В январе-марте 1912 года в Санкт-Петербурге состоялся суд над лидерами партии Дашнакцутюн. Судили также Минаса Ивановича Берберова. Дашнаков обвиняли в террористиче-

ской деятельности.

Как пишет Нина Берберова, родной дядя которой Минас Иванович Берберов проходил обвиняемым по этому делу, на суде был полный беспорядок: какие-то документы бесследно исчезали, другие срочно переписывались. Надо отметить, что в защиту дашнаков тогда выступила вся прогрессивная российская общественность, пресса. А одним из адвокатов лидеров партии Дашнакцутюн на суде был будущий председатель Временного правительства Александр Федорович Керенский. Кстати, он был неплохим адвокатом.

На сайте «Центра поддержки русско-армянских стратегических и общественных инициатив» опубликованы воспоминания Керенского «Россия на историческом повороте»: «Одним из крупнейших для меня процессов стал процесс по делу армянской партии Дашнакцутюн в 1912 году. Оно стало эпилогом в прискорбной деятельности князя Голицына в начале столетия, в результате которой даже такие верные друзья России, как армяне, превратились в грозную революционную силу. Перед судом предстала вся армянская интеллигенция, включая писателей, врачей, юристов, банкиров и даже купцов (которые, как утверждалось, представляли революционерам денежные средства). Расследование длилось несколько лет. Аресты шли по всей России и, в конце концов, в Санкт-Петербурге был учрежден специальный сенатский суд.

Некоторых обвиняемых содержали в тюрьме почти четыре года, прежде чем начались су-

дебные заседания. Слушания открылись в январе 1912 года и продолжались до середины марта. Были опрошены шестьсот свидетелей. Опасаясь беспорядков, полиция приняла особые меры предосторожности. Суд шел при закрытых дверях, в зал заседаний не допускали даже родственников обвиняемых. Атмосфере накаляли всякого рода запреты».

Далее Керенский пишет, что из 145 обвиняемых 95 были оправданы полностью. 47 членов партии Дашнакцутюн получили различные тюремные сроки или ссылки. Трех дашнаков приговорили к каторжным работам. Правда, С.А. Манукян в диссертации «Деятельность партии Дашнакцутюн на Дону (1905–1913 гг.)» приводит несколько иные данные. По его сведениям, 52 человека были приговорены к различным срокам тюремного заключения, а 4 — к каторжным работам.

Керенский был уверен, что оправдание многих лидеров партии Дашнакцутюн подняло престиж России за рубежом, особенно среди армян в Турции. Потому как, по мнению Керенского, Россия должна была относиться к армянам, воюющим с турками, как к своим союзникам. Более того, оказывается, что одного из следователей по фамилии Лужин после окончания судебного процесса пытались наказать. Вот как об этом пишет Керенский: «Следователь Лужин был обвинен в лжесвидетельстве, однако дело против него в конечном счете прекратили, после того как комиссия психиатров признала его невменяемым. Процесс по делу армян завершился в середине марта. Времени почивать

А.Ф. Керенский

на лаврах оказалось у меня немало. 4 апреля 1912 года произошли Ленские события».

Интересно, что в работе Государственной Думы участвовало трое депутатов, которые представляли армянскую партию Дашнакцутюн.

После Февральской революции 1917 года дашнаки стали чувствовать себя свободно. Более того, с 1918 по 1920 годы партия Дашнакцутюн была правящей в Армении. А выходец из Нахичевани—на—Дону Минас Иванович Берберов входил в руководство республики. В период разрухи, голода, гражданской войны, охватившей тогда Армению и всю бывшую Российскую империю, он заболел сыпным тифом и скончался в расцвете сил в 1919 году.

После установления советской власти в Армении партия Дашнакцутюн была объявлена вне закона. Дашнаки стали подвергаться репрессиям — их расстреливали, арестовывали и ссылали. В феврале 1921 года дашнаки подняли восстание в Армении против большевиков. Но в мае 1921 года это восстание было подавлено. После этого вся деятельность партии Дашнакцутюн проходила в условиях эмиграции. И лишь после распада Советского Союза, в 1991 году, эта партия смогла снова вернуться в большую политику в Армении. Но это уже другая история.

Материалы подготовил
Георгий БАГДЫКОВ